
О МЕМУАРАХ КАК ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

А. М. МИРИМАНЯН

Одним из важнейших источников психологической науки является художественная литература. В ней обобщена и сохранена для потомства психология живых людей в той степени, что фактически по любому вопросу, относящемуся к духовной жизни человека, мы найдем обстоятельный ответ как в произведениях классиков мировой литературы, так и у современных крупных художников. У великих писателей всех времен мы находим мастерскую передачу всего движения внутреннего богатого мира человека, начиная с самых тонких, едва ощутимых, скрытых переживаний до бурных страстей. Хорошо известно, что в подлинной художественной литературе сконцентрированы огромные богатства, имеющие исключительную ценность для научной психологии, особенно для психологии личности, психологии ее мотивационно-эмоциональной сферы. В художественной литературе содержатся глубокие пласты точно выраженных эмпирических закономерностей деятельности, сознания и личности конкретно-исторических типов людей,—все это требует серьезного собственно научного анализа.

При выборе автора и произведения психолог всегда должен руководствоваться главной целью: что его больше всего интересует, каковы его склонности, интеллект, аффекты или воля. Психолог — не литературовед. Потому и вопросы, относящиеся к литературоведению, для него не могут быть основными. Они его интересуют постольку, поскольку помогают в главной проблеме, т. е. литература для него—источник психологических знаний. Мы подчеркиваем это обстоятельство именно потому, что оно не всегда достаточно выделяется, что таит в себе опасность проводить психологическое исследование в нечетком, неопределенном, эклектичном плане, когда порою трудно определить, где начинается психология и где кончается литературоведение.

Психологу, если для этого имеется соответствующий материал, весьма интересно исследовать всю объективную и субъективную историю создания произведения. Но при использовании этого богатого и разностороннего материала не следует забывать, что цель психолога конкретная, определенная, т. е. содержание, значимость материала и способы его использования он должен подчинять своей задаче, о которой говорилось выше. Следовательно, он должен пользоваться всеми способами и методами исследования литературного произведения, руководствуясь своим принципом, стоящей перед ним проблемой.

Одним из методов изучения психологии творчества является использование воспоминаний писателей о минувшем, т. е. мемуары. Эти воспоминания имеют свои и положительные, и отрицательные стороны. Положительное заключается в том, что отдельные страницы жизни рассматриваются писателем не фрагментарно, между тем как, скажем, в дневниках отмечаются только факты. При целостном подходе отдельные факты дают исследователю материал в такой форме, в какой в дневниках он отсутствует. Необходимо подчеркнуть еще следующее: дневник — это непосредственная констатация, а мемуары пишутся писателем в зрелом возрасте, на грани старости. Очень хорошо зная самого себя и все, что связано с творчеством, писатель не только протоколирует прошлое, но и старается понимать, объяснять его. Нередко писатель старается к своему прошлому относиться трезво, объективно, в некоторых случаях да-

же критически. Как пример мы можем сослаться на знаменитую «Исповедь» Ж. Ж. Руссо, открывающую нам возможность проникнуть в самые глубокие, непроницаемые тайники души автора. Замечательная книга «Былое и думы» Герцена в этом смысле еще ждет своего исследователя.

Положительная сторона мемуаров выдающихся людей еще и в том, что они дают нам возможность живо представить себе, понять как мыслили, чувствовали, действовали люди прошедших поколений. Для этнической психологии они представляют настоящий клад.

Но мемуары имеют и свои «слабости», которые нельзя не учесть. Воспоминание же является документальным фактом, так как страницы прошлой жизни воспроизводятся во всех отношениях в значительно измененном виде, хотя и воспоминание воспоминанию рознь. Значительная часть воспоминаний, как метко выразился знаменитый актер В. Папазян, является «взглядом на прошлое». При таком подходе изменяется не только хронологическая последовательность событий, но и производится определенная их классификация автором. События, относящиеся к какой-нибудь знаменитой личности или имеющие эпохальное значение, обобщаются, вносятся в определенную систему и описываются в целостном виде; детали или отбрасываются, или затушевываются, или же, теряя самостоятельное значение, рассматриваются как часть целого. Такой подход дает очень много философу, историку, литературоведу (фактически они получают готовый материал для использования), но не психологу. Вдумчивому психологу придется, прибегая к методу анализа, из концепции выделить нужные для психологических выводов факты, «очистить» их от результатов авторских рассуждений, установить как действительную последовательность совершенных фактов, так и их взаимовлияния, исходя не из того, как эти взаимовлияния представляются автором, а как они существовали на самом деле. Надо также постараться, насколько возможно, в «чистом» виде восстановить те обстоятельства, которые породили эти факты. При этом необходимо на каждом шагу учитывать, что в памяти запечатлевается и воспроизводится не столько процесс, подготавливающий зарождение того или иного факта, сколько последний этап, т. е. возникновение самого факта. В мемуарной литературе много и сознательных и неосознанных выдумок. Мемуары всегда пишутся с определенной (нередко дидактической) целью. Они адресованы предполагаемому читателю, главным образом не современнику, а представителям последующих поколений. Не надо также забывать, что мемуарист сам—живая личность. Как бы он ни старался сосредоточить свое внимание на прошлом, выключаясь из настоящего, это полностью ему не удастся. Настоящее, включая сюда и субъективное состояние автора в момент написания, на каждом шагу дает о себе знать. Этот примечательный факт (участие настоящего психического состояния, личностных особенностей мемуариста, когда он излагает историю своей жизни), очень тонко отметил В. Папазян в своей последней встрече с искусствоведом Р. Заряном. О степени достоверности своих мемуаров В. Папазян откровенно говорил следующее: «Вы считаете меня писателем. Я, откровенно говоря, смеюсь в душе, но думаю, если хотят—пусть считают. Я—артист, я всегда артист, я и тогда артист, когда пишу, я продолжаю играть и тогда, когда пишу. Я создаю для себя образ, вхожу в его сущность, и при диктовке говорит он, а не я. И если я иногда не так передаю свои воспоминания, как они были в действительности, то это не потому, что плохо помню, хотя бывает и так, а потому, что созданный мною образ мыслит иначе, чувствует нечто иное; воображение диктует и ведет этот образ по другому направлению. То, что я написал,—то же актерство, но выраженное в литературной форме»¹. Отметим, что в психологическом смысле именно такое отношение к своим мемуарам может дать дополнительный материал для решения некоторых проблем гносеологической психологии.

Имеется и еще одна сторона—это стремление некоторых мемуаристов не только представиться лучше, чем они есть на самом деле, но и показать, что свою жизнь они

¹ Р. В. Зарян. Последняя встреча.—«Советакан гրախոս», № 11, Ереван, 1968, с. 94—95.

организовали лучше некоторых других. Обиды, конфликты, идеологические и житейские столкновения с другими иногда мемуарист помимо своего желания представляет в выгодном для себя свете. Побуждения, движущие другими в их поступках, представляются не всегда справедливо. Это относится даже к таким мемуаристам, как Ж. Ж. Руссо, о котором мы уже говорили, как о человеке, в своих мемуарах старающемся быть справедливым и даже беспощадным. Достаточно прочесть страницы «Исповеди» Руссо, где говорится о взаимоотношениях с Дидро, чтобы аргументировать нашу мысль.

Приходится предостерегаться и другого, довольно распространенного в мемуарной литературе явления. Мемуарист в течение долгих лет своей жизни встречается с одной и той же личностью не один раз. И вполне возможно, что последующие встречи могут совершенно изменить первоначальное представление и непреднамеренно исказить истину. Великий армянский писатель А. Ширванзаде, будучи пока неизвестным, но подающим надежды писателем, из Баку был приглашен в Тбилиси редактором газеты «Мшак» Г. Арцруни. Между ними завязалась большая дружба. Но впоследствии произошел разлад, перешедший в открытую неприязнь. В своих мемуарах, написанных несколько десятков лет спустя, Ширванзаде пишет, что мадам Арцруни с первого же взгляда оставила на него очень неприятное впечатление. Факты же говорят обратное: первое впечатление было весьма положительным.

Мемуары по своей природе ретроспективны. Воспоминания чреватые противоречиями, заблуждениями. Ведь естественны ошибки памяти, которая пытается увековечить пережитое, увиденное.

«Но внимание,—писал А. Ф. Кони,—есть орудие для восприятия весьма несовершенное, память же с течением времени искажает запечатленные вниманием образы и дает им иногда совершенно выцветать»².

Возникает необходимость выбора, критической оценки текста. Ю. М. Лотман отмечает другую особенность мемуаров: «это не объективное свидетельство, а избирательная стилизованная память...», зависящая от личности автора, его времени, личности писателя и т. д.³

Время, новые события влияют на мнение, оценки, характер освещения той или иной личности. Прошлое невольно сближается с более современной точкой зрения. Примером могут служить мемуары А. Г. Достоевской. «Тайнственные» стенографические дневники и записи бесед с мужем легли в основу ее воспоминаний. Она берет из дневников чисто фактическую сторону и только то из давнишних впечатлений, что, по ее мнению, представляет наибольший интерес; она заново переосмысляет все, сопоставляя впечатления и эмоции юности с поздним опытом и знанием. Со временем горькое и тяжелое стусеживалось в памяти, заслоняясь светлым и радостным, а собственные чувства и переживания во многом казались Анне Григорьевне инфантильными и наивными, лишь в редких случаях достойными упоминания.

Сравнение расшифрованного «Дневника» за 1867 год и соответствующих ему по времени страниц воспоминаний позволяет говорить о том, каким образом переделывались Анной Григорьевной непосредственные записи. Дневник—это запись происшествий и мыслей для себя, это интимный документ, куда заносится буквально все. Очевидно, именно поэтому «Дневник» более достоверный документ, в котором двадцатилетняя Анна Григорьевна с детской непосредственностью пишет о первом годе их супружества. Совсем другое—воспоминания умудренной опытом долгой и сложной жизни женщины, вполне осознающей свой долг перед памятью мужа и ответственность перед читателями.

Сравнительный анализ дневника и мемуаров показывает: 1) не скрывая драматизма многих эпизодов за границей, Анна Григорьевна все же их явно «смягчает».

² См. А. Ф. Кони. Психология и свидетельские показания.—Новые идеи в философии, сб. 9, Пб, 1913, с. 67.

³ См. Ю. М. Лотман. Отчет о конференции: «Пушкин, его биография и личность».—«Вопросы литературы», 1976, № 3, с. 304.

Чтобы спасти Федора Михайловича от домашних неурядиц, от безалаберной петербургской жизни Анна Григорьевна делает все для перемены обстановки, для отъезда за границу. Но, рассказывая впоследствии в своих воспоминаниях о причинах отъезда за границу, Анна Григорьевна несколько субъективно, односторонне объясняет их только желанием спасти семью. В письме же к А. Н. Майкову сам Достоевский называет эту поездку жизненно необходимым, хотя и тяжелым шагом: «Главных причин две,—пишет он своему другу,—1) Спасать не только здоровье, но даже жизнь <...> 2-я причина—мои обстоятельства: кредиторы ждать больше не могли» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. II, М.-Л., 1930, с. 25); 2) от отчаяния и нервных потрясений, лихорадочной, безумной баден-баденской жизни, так захватывающе переданной в дневнике, в воспоминаниях сохранено немногое; 3) не упомянута совсем и Аполлинурия Суслова, бурный роман с которой незадолго до встречи с Анной Григорьевной пережил Достоевский; 4) мягче и идеальнее обрисован в воспоминаниях и Федор Михайлович (в отличие от горячего, вспыльчивого, всегда неожиданного «Федички» «Дневника»). 5) Анна Григорьевна предельно сдерживает свои субъективные симпатии и антипатии; она старается не подчеркивать свою беспредельную любовь к Достоевскому. Однако иногда все-таки теряет чувство меры—и доходит до поклонения; так, она в нервном возбуждении, говорила Толстому: «Мой дорогой муж,—сказала я восторженно,—представлял собою идеал человека! Все высшие нравственные и духовные качества, которые украшают человека, проявлялись в нем в самой высокой степени. Он был добр, великодушен, милосерд, справедлив, бескорыстен, деликатен, сострадателен — как никто»⁴. Но такие «срывы» довольно редки, и объясняются они чаще всего внутренней полемичностью воспоминаний.

«Внимательнейшим образом следила она за всей литературой по Достоевскому и глубоко огорчалась, если встречала резкие характеристики Достоевского как человека!»—свидетельствует современник⁵.

Рассказ мемуаристки о потрясении, испытанном Достоевским в Базеле, когда он впервые увидел подлинник знаменитой картины Ганса Гольбейна младшего «Мертвый Христос», для нас весьма ценен, ибо известно, какое исключительное символическое значение имеет эта картина в «Идиоте», как важна она для понимания главной мысли романа: «...По дороге в Женеву мы остановились на сутки в Базеле, с целью в тамошнем музее посмотреть картину, от которой муж от кого-то слышал. Эта картина, принадлежащая кисти Ганса Гольбейна, изображает Иисуса Христа, вынесенного нечеловеческие истязания, уже снятого с креста и предавшегося тлению. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен. Картина произвела на Федора Михайловича подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы пораженный. Я же не в силах была смотреть на картину: слишком уж тяжелое было впечатление, особенно при моем болезненном состоянии, и я ушла в другие залы. Когда минут через пятнадцать-двадцать я вернулась, то нашла, что Федор Михайлович продолжает стоять перед картиной как прикованный. В его взволнованном лице было то как бы испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии. Я потихоньку взяла мужа под руку, увела в другую залу и усадила на скамью, с минуты на минуту ожидая наступления припадка. К счастью, этого не случилось: Федор Михайлович понемногу успокоился и, уходя из музея, настаивал на том, чтобы еще раз зайти посмотреть столь поразившую его картину»⁶.

Особенно интересны те страницы воспоминаний, где говорится о взаимоотношениях писателя со своими современниками-писателями, журналистами, учеными, общественными деятелями—Некрасовым и Тургеневым, Огаревым и Майковым, Страховым и Гончаровым и др. Скупые, немногословные свидетельства Анны Григорьевны о последних встречах Достоевского и Некрасова имеют большое значение не только для исто-

⁴ См. А. Г. Достоевская. Воспоминания, М., 1971, с. 394.

⁵ См. Н. Слоимский. Жена Достоевского.—«Новые ведомости», Пг., 1918, 3 августа, № 127, вечерн. вып.

⁶ А. Г. Достоевская. Воспоминания, М., 1971, с. 165.

риков литературы, но и представляют особый интерес с точки зрения психологии человеческих отношений.

Особенно важны упоминания Анны Григорьевны о невоплощенных замыслах Достоевского, новых планах и редакциях, об уничтоженных или пропавших рукописях. К сожалению, «Воспоминания» не оставляют и тени сомнения в том, что рукописи «Идиота», «Вечного мужа», «Бесов» были сожжены Достоевским: «В последних числах июня 1871 года были получены из редакции «Русского вестника» следуемые за роман деньги, и мы, не теряя ни одного дня, принялись за окончание наших дрезденских дел (вернее, выкуп вещей и уплату долгов) и за укладку вещей. За два дня до отъезда Федор Михайлович призвал меня к себе, вручил несколько толстых пачек испанной бумаги большого формата и попросил их сжечь. Хоть мы и раньше с ним об этом говорили, но мне так стало жаль рукописей, что я начала умолять мужа позволить мне взять их с собой. Но Федор Михайлович напомнил мне, что на русской границе его, несомненно, будут обыскивать и бумаги от него отберут, а затем они пропадут, как пропали все его бумаги при его аресте в 1849 году. Возможно было предполагать, что до просмотра бумаг нас могут задержать в Вержболове, а это было бы опасно ввиду приближающегося семейного события. Как ни жалко было мне расставаться с рукописями, но пришлось покориться настойчивым доводам Федора Михайловича. Мы растопили камин и сожгли бумаги. Таким образом, погибли рукописи романов «Идиот» и «Вечный муж». Особенно жаль мне было лишиться той части романа «Бесы», которая представляла собою оригинальный вариант этого тенденциозного произведения. Мне удалось отстоять только записные книжки к названным романам и передать моей матери, которая предполагала вернуться в Россию поздней осенью. Взять же с собою целый чемодан с рукописями она не соглашалась: большое количество их могло возбудить подозрение, и бумаги были бы от нее отобраны...»⁷

Очень многие мемуары говорят об эволюции авторского взгляда на изображение тех или иных событий.

«У каждого времени свои оценки не только людей, но и себя,—отмечает Шкловский. Я написал про Горького, что он стар, а по теперешним понятиям он не был стар. Но люди, окружавшие Толстого, дети обедневшего рода, дети человека, которого знал весь мир, дети, которые женились, выходили замуж, писали книги, рисовали,—все они были сжаты жизнью так тесно, как сжаты патроны в обойме...»⁸.

Время меняет критерии оценок, создает новую модель личности. Былое, не совпадающее с новым представлением, кажется невероятным. В 1890 г. в «Историческом вестнике» были напечатаны воспоминания В. Н. Назарьева «Жизнь и люди былого времени». Здесь он говорит о студенческих годах Л. Н. Толстого, приводит ряд подробностей о его отношении к занятиям, к науке и т. д. Воспоминания эти вызвали протест членов семьи Л. Н. Толстого. Л. Л. Толстой обратился с открытым письмом в одну из газет, в котором опровергал достоверность мемуаров, ссылаясь на отца: «Оказывается, что многое и даже очень многое отец не помнит и не может помнить, хотя бы при всем его желании, потому что этого никогда не было и поэтому, должно быть, принадлежит очень широкому полету фантазии автора воспоминаний»⁹. Между тем Толстой, знакомясь в более поздние годы с теми же мемуарами, внес лишь некоторые поправки и уточнения¹⁰.

Известен и другой случай, когда сам Л. Н. Толстой был поражен воспоминаниями Ю. И. Одаховского, своего сослуживца по севастопольской армии. Толстой возражал против некоторых бесспорных ошибок Одаховского. В некоторых же случаях в

⁷ А. Г. Достоевская. Воспоминания, с. 198.

⁸ См. В. Шкловский. Трудный путь образа. Несколько слов об искусстве литературного портрета.—«Литературная Россия», 1976, № 22, 28 мая.

⁹ Л. Н. Толстой. Письмо в редакцию газеты.—Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, ф. 303, ед. хр. 16.

¹⁰ См. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., М., 1952, т. 34, с. 397—398.

оспариваемых Толстым эпизодах свидетельства Одаховского оказываются ближе к истине, что подтверждается дневником и письмами Толстого того времени¹¹.

Как метко замечает И. Шайтанов «одни мемуаристы постоянно помнят о точности: подчеркивают, что сохранили неплохую память на имена и даты, а то и просто проверяют свои воспоминания по другим источникам, о чем также нередко сообщают. Произведения, которые пишутся таким образом, скорее смыкаются с историко-литературными исследованиями, чем с областью художественного творчества, где общая точность современного мышления проявилась в мемуарах совершенно иным, неожиданным образом. Их авторы отказались конкурировать с беспристрастностью и непогрешимостью документов, помня об особенностях мемуарного свидетельства о том, что мемуары—субъективный документ»¹².

Приведенными примерами мы хотим подчеркнуть необходимость и возможность проверки некоторых свидетельств, пользуясь другими источниками. Все это говорит о том, каким тонким аналитиком должен быть психолог при использовании мемуарной литературы.

Несколько слов о мемуарах тех людей, которые, будучи современниками знаменитых людей, стараются охарактеризовать их личность. Об этом надо говорить, что такая литература имеется в немалом количестве. Обычно такие мемуаристы стараются представить себя более близкими к этим знаменитым людям, чем они есть на самом деле, и рассказывать больше, чем знают, нередко заменяя действительные факты вымышленными.

В. В. Вересаев по типу достоверности делил мемуарную литературу на группы—«воспоминания близких к Пушкину...», «полезным противовесом к односторонне-хвалебным воспоминаниям друзей являются.. враждебные к Пушкину воспоминания...», «показания случайных знакомцев Пушкина» и т. д.¹³.

Почти то же самое предлагает Б. М. Эйхенбаум для собрания мемуаров о Толстом: «в одной группе—члены семьи, в другой—близкие друзья и помощники, в третьей—писатели и общественные деятели и т. д.»¹⁴.

И несмотря на все это, мемуары остаются важным источником при изучении психологии творчества того или иного писателя, особенностей его художественного творчества.

При использовании мемуарной литературы психолог должен проявить не только большую осторожность, но и психологическое чутье. Надо уметь психологически объяснить причины тех или иных «смещений» и, исходя даже из искаженных фактов, уметь делать соответствующие выводы, не говоря уже о возможности разносторонней проверки. Из всего этого становится ясным не только специфичность и аспект, но и трудность психологического анализа мемуарной литературы. Всякая упрощенность таит в себе опасность отхода от психологических позиций.

Ա. ՄԻՐԻՄԱՆՅԱՆ— Հուշագրությունը որպես գրողի ստեղծագործության հոգեբանության ուսումնասիրման արյունքներից մեկը.— Գրողի հոգեբանությունը բացահայտելու տեսակետից առանձնակի հետազոտություն են ներկայացնում Հուշագրական երկերը, ներկա հաղորդման մեջ հեղինակը այդ առումով անդրազանցում է հուշագրական ժանրի մի ծանր նմուշների, մասնավորապես Ֆ. Գոտտենկոն նվիրված Հուշագրական էջերին:

¹¹ См. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. I, с. 511—515.

¹² И. Шайтанов. «Непроявленный жанр», или литературные заметки о мемуарной форме.—«Вопросы литературы», 1979, № 2, с. 64.

¹³ В. В. Вересаев. Пушкин в жизни. 6-е изд., М., 1936, т. I, с. 6—7.

¹⁴ Б. М. Эйхенбаум. Сборник воспоминаний или хрестоматия?—«Новый мир», 1955, № 11, с. 200.